

УДК 94(574)

ББК 63.3(5Каз)

Стратегии адаптации «наказанных» народов и местное население в Казахстане (1941–1953 гг.)

С.Ш. Казиев

Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева
(Петропавловск, Казахстан)

Adaptation Strategies for the “Punished” People and Local Communities in Kazakhstan (1941–1953)

S.Sh. Kaziev

M. Kozybayev North Kazakhstan State University (Petropavlovsk, Kazakhstan)

Освещаются проблемы социальной адаптации депортированных народов и межэтнических отношений с местным населением. С позиций историзма подвергнуты критике историографические мифы о преднамеренном этноциде «наказанных» народов со стороны Советского государства. В статье показано, что «наказанные» народы оказались на грани выживания в суровых условиях казахстанской ссылки, но в тех же условиях находилось местное население, отправившее на фронт трудоспособное мужское население. Представители депортированных народов избирали различные стратегии адаптации и взаимоотношений с местными казахами и русскими. Немцы, турки, греки, карачаевцы и балкарцы, как и ранее депортированные поляки и корейцы, влились в локальное общество, в то время как чеченцы и ингуши придерживались линии на противопоставление другим народам и тайное сопротивление официальным властям. Условия депортации усилили степень этнической консолидации чеченцев и ингушей, что давало им серьезные преимущества. В свою очередь это становилось источником жестких межэтнических конфликтов. В последующий период традиции межэтнических отношений между представителями депортированных народов, казахами и русскими устойчиво сохранялись вплоть до распада СССР.

Ключевые слова: «наказанные» народы, депортации, немцы, казахи, русские, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, Сталин, НКВД, адаптации, межэтнические конфликты.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-20

История депортаций и адаптаций «наказанных» народов в местах вселения, географически и этнически кардинально отличавшихся от исторической родины, актуальна и в наши дни. Формирование новых

The present article is devoted to the problems of social adaptation of the deported peoples and the interethnic relations with the local population. Historiographic myths about a deliberate ethnocide of the “punished” peoples from the side of Soviet state were criticized from the position of historicism. The article showed that the “punished” peoples were on the verge of survival in severe conditions of Kazakhstan exile, but the local population which sent all able-bodied men to the front was under the same conditions. Representatives of the deported peoples chose various strategies of adaptation and relationship with local Kazakhs and Russians. Germans, Turks, Greeks, Karachays and Balkars as earlier deported Poles and Koreans joined local society while Chechens and Ingushs kept to the line of opposition to other people and secret resistance to the authorities. The conditions of deportation strengthened the extent of ethnic consolidation of Chechens and Ingushs and that fact gave them serious advantages. It became in its turn a source of rigid interethnic conflicts. During the subsequent period the traditions of interethnic relations between representatives of the deported peoples, Kazakhs and Russians reserved steadily up to collapse of the USSR.

Key words: “punished” people, deportations, Germans, Kazakhs, Russians, Chechens, Ingushs, Karachays, Balkars, Stalin, People’s Commissariat for Internal Affairs, adaptations, interethnic conflicts.

гражданских наций в постсоветских государствах и проблемы массовых миграций требуют внимательного изучения факторов успешности адаптаций иноэтнических групп населения в новых этнических

средах, выявления факторов «вытравливания» вынужденных или добровольных мигрантов местным населением. Еще со времен депортаций поляков и корейцев в Казахстан прослеживаются определенные стратегии адаптации в новых условиях. Либо это была практика налаживания взаимоуважительных партнерских отношений с местным населением, либо культивирование установок на культурное превосходство и групповую солидарность по отношению к коренному населению, в нашем случае по отношению к казахам и русским. Второй путь вел к жесткой конкуренции и постоянным межэтническим конфликтам. В настоящей статье поставлена задача проследить особенности стратегий адаптации депортированных этнических коллективов и выявить роль доверия в отношениях с местным населением, страдавшим не в меньшей мере от тягот войны.

В западной и постсоветской историографии национальная политика Советского государства в военные и послевоенные годы обычно рассматривается в связи с депортациями «наказанных» народов. В изысканиях А. Авторханова, А. Некрича, Р. Конквеста и других исследователей основное внимание обращается на преступный характер массовых депортаций, жестокость проведения выселения «наказанных» народов, масштабы человеческих жертв. Депортации военных лет приравниваются к народоубийству, т. е. к этноциду. За последнее десятилетие в российской и казахстанской историографии опыт социальной адаптации депортированных народов изучали Н.Ф. Бугай, А.А. Герман, В.Н. Земсков, Ж.А. Ермекебаев, В.А. Козлов, П.М. Полян, В.А. Тишков и другие исследователи. Ученые ставят под сомнение правомерность обвинения целых народов в антипатриотизме и предательстве. На наш взгляд, в истории депортаций недостаточно освещены проблемы межэтнических отношений депортированных с местным населением.

С началом войны депортации подверглись советские немцы. Юридическим основанием депортации стали Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из республики Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области» и Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21–160 от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В Указе Президиума Верховного Совета СССР на советских немцев была возложена коллективная ответственность за действия отдельных лиц немецкой национальности, тем самым целый народ был обвинен в измене. К 1 января 1942 г. в области Южной Сибири и Казахстан было депортировано 799,5 тыс. немцев. Всего за 1941–1942 гг. выселению подверглись 1209430 чел. Казахстан принял 317630 немцев. Немецкое население в республике превысило 444 тыс. чел. [1, с. 42].

1 сентября 1941 г. было принято Постановление Совнаркома Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахской ССР о размещении прибывающих лиц немецкого населения. Для размещения спецпереселенцев использовались дома переселенческого управления и действующих колхозов. Немцы расселились в среде местных жителей порядком «уплотнения» проживания. Каких-либо крупных эксцессов на почве враждебности между казахским и немецким населением не возникло. Казахское и русское население Казахстана, испытывавшее в начале 1930-х гг. ужасы голода, старалось по мере сил помочь немцам. Студенты немецкой национальности рассказывали автору, что их деды и прадеды с благодарностью вспоминали простых жителей края, деливших хлеб с переселенцами. Известный казахстанский археолог В.Ф. Зайберг рассказывал автору статьи, что в Северо-Казахстанской области выброшенные в зимнюю степь немцы были бы обречены на гибель, если бы не помощь казахов, которые разбирали немецкие семьи по домам и содержали по два-три года. О помощи казахского населения всегда вспоминал известный казахстанский литератор Г. Бельгер, называвшим себя казахом из рода атыгай. В мировой практике депортаций редко можно встретить примеры такого соучастия местных жителей к судьбе несчастных переселенцев.

Недовольство немецкого населения было вызвано высокой смертностью детей и стариков, полуголодным существованием и неполной компенсацией материальных потерь. В воюющей стране, где большая часть населения находилась на грани голода, отсутствовали возможности возмещения утраченного имущества. В этой связи появление трудностей со снабжением немецких спецпоселенцев было неизбежным. Несмотря на трудности и рост социального протеста немецкое население активно включилось в трудовую деятельность и способствовало росту производительности труда в Казахстане. Острая нехватка трудовых ресурсов на промышленных предприятиях заставила советское руководство мобилизовать немцев в трудовые армии вместе с местными жителями, по возрасту или состоянию здоровья не призванными в Красную Армию. Массовая мобилизация немцев в Трудовую армию началась согласно Постановлению Государственного Комитета Обороны № 1123 от 10 января 1942 г. Всего на начало 1944 г. в рабочих батальонах трудилось 222 тыс. немцев [2, с. 372].

В местах поселения в Казахстане немецкие спецпоселенцы находились под контролем местных органов НКВД, фиксировавших через сеть своих осведомителей рост протестных настроений среди большинства спецпоселенцев, включая немецких коммунистов. Особую тревогу вызвала готовность к переходу к активным действиям. В конце 1941 г. из Казахской ССР сообщалось, что переселенец Андрей Непп критиковал своих соплеменников за по-

корность и призывал к бунту, «так как нам все равно придется сдыхать. Но я наделаю дел — перережу человек 20 русских, а потом покончу жизнь самоубийством» [3, с. 450–451]. Органы НКВД отмечали, что среди немцев в 1941–1942 гг. широко были распространены пораженческие настроения [4, с. 882]. На наш взгляд, органы госбезопасности фиксировали отчаяние и озлобленность лишь отдельных групп немецкого населения. Вероятность бунта безоружных и влачивших полуголодное существование немцев была ничтожной. Органы госбезопасности выдавали распространение слухов и высказываемое немцами недовольство своим положением за готовность к активным действиям.

Несмотря на тяготы и страдания немецкое население продемонстрировало высокий уровень приспособляемости к новым условиям, заслужило уважение местного населения своим трудолюбием, бесконфликтностью и уважением к традициям и обычаям казахов. Немцы, расселенные в казахских аулах, быстро выучили казахский язык. В селе Кировка Северо-Казахстанской области у всех местных немцев казахский язык стал вторым родным языком. Немцы перенимали у казахов навыки животноводства, особенно коневодства. В свою очередь казахи и русские многое заимствовали у немцев в приемах рационального ведения хозяйства и обустройства жилья. У казахов северных регионов сложилась уважительная по отношению к немцам поговорка: «Если хочешь жить в достатке, женись на немке». Немки, выходя замуж за казахских мужчин, строго соблюдали народные традиции казахов. В послевоенное время немцы были надежными социальными партнерами для казахов и казахстанских русских.

Следующая крупная «волна» депортации «накрыла» Казахстан зимой 1943–1944 гг. В ноябре 1943 г. в Казахстан и Киргизию были высланы более 68 тыс. карачаевцев. Основная часть карачаевцев была размещена в Южно-Казахстанской и Джамбульской областях (25212 и 20285 чел.). Позже к ним присоединились 2,5 тыс. демобилизованных из Красной Армии. По воспоминаниям карачаевцев, местные казахи и русские оказали помощь карачаевцам, подкармливая высланных и давая советы относительно пользования местной водой в рыках или защиты от жары и мошкар. Органы госбезопасности докладывали о спокойных отношениях карачаевцев-переселенцев с местным населением [5, с. 32–36].

Иной путь адаптации к условиям казахстанской ссылки был избран чеченцами и ингушами. В марте 1944 г. в Казахстан и Киргизию отправились эшелоны с высланными чеченцами и ингушами. Первоначально в ноябре 1943 г., когда шли прикидки будущей депортации вайнахов, полмиллиона чеченцев и ингушей, как ранее калмыков, планировалось разместить в Сибири. Основную часть вайнахов (200 тыс. чел.)

должна была принять Новосибирская область. Однако сибирские регионы уклонились от приема такого количества высланных чеченцев и ингушей [6, с. 644]. В середине декабря 1943 г. весь поток депортированных вайнахов было решено перенаправить в Казахстан и Киргизию. 11 февраля 1944 г. вопрос о депортации чеченцев и ингушей был решен на Политбюро ЦК ВКП(б). В период «первых эшелонов» было запланировано отправить в ссылку 310620 чеченцев и 81110 ингушей. Основная часть высланных чеченцев (239,7 тыс. чел.) и ингушей (78,5 тыс. чел.) размещалась в Северо-Казахстанской (39,5 тыс. чел.), Актюбинской (20,3 тыс. чел.), Акмолинской (60,3 тыс. чел.), Семипалатинской (31,2 тыс. чел.), Карагандинской (37,9 тыс. чел.), Алма-Атинской (29 тыс. чел.), Павлодарской (41,2 тыс. чел.), Южно-Казахстанской (20,8 тыс. чел.) и Джамбульской областях (16,6 тыс. чел.) [1, с. 104–107]. В этих областях в связи с массовым призывом местного населения в Красную Армию и трудовые батальоны ощущалась острая нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве.

По воспоминаниям очевидцев, в селах и аулах Северного Казахстана проживали только старики, женщины и дети, и они впервые за три года войны увидели такое количество взрослых мужчин. Современники отмечали, что с прибытием вайнаховских спецпереселенцев сразу же начались кражи скота с подворий. Прибывшие объясняли это необходимостью кормить голодающие семьи. Материалы органов НКВД по Северо-Казахстанской области фиксируют высокую детскую смертность среди чеченцев и ингушей: в 1944 г. скончалось 1002 чеченцев и ингушей, из них 411 детей (41%), 191 взрослый (19%) и 400 стариков (40%) [7, л. 5]. На кражи и стычки с местными жителями чеченцев и ингушей толкало неудовлетворительное обеспечение продуктами и деньгами за отработанные трудодни [8, с. 109]. Вайнахи успешно использовали все возможности солидаризованного в условиях изгнания коллектива. В случае голода община отправляла своего члена на кражу коровы или лошади для спасения остальных. Грабитель попадал в тюрьму, но все члены общины знали мотивы его героического, с их точки зрения, поступка [9, с. 693].

Архивные данные позволяют говорить о коллективном отказе чеченцев и ингушей от участия в трудовой деятельности, что кардинально отличало их коллективное поведение от поведения ранее высланных корейцев, поляков, немцев и карачаевцев. В Северо-Казахстанской области около половины выселенных чеченцев и ингушей не выходили на работу. В докладной записке УНКВД по Северо-Казахстанской области «О состоянии хозяйственного спецпоселенцев с Северного Кавказа за 1944 г.» вскрывается картина нежелания значительной части выселенных вайнахов примириться с депортацией и трудиться. Наибольший

уровень нетрудоустроенных наблюдался в Ленинском районе — 80,3% трудоспособных чеченцев и ингушей не имели работы; в Мамлютском районе — 73,5%; в Приишимском районе — 57% и Конноховском — 51% [7, л. 1]. В Северо-Казахстанской области, где на фронт было призвано 74 тыс. чел., из них погибли или умерли от ран, пропали без вести 45 тыс. человек (59% призванных на фронт, или 11% от населения области), в это время остро ощущалась нехватка рабочих рук [10, с. 277, 293]. Причины отказа чеченцев и ингушей выходить на работу сотрудники НКВД видели в нежелании местных органов власти заниматься их проблемами, а также пропагандой «антисоветских элементов» из числа чеченцев.

Сами чеченцы до возвращения фронтовиков ощущали преимущества этнической консолидации. В документах зафиксированы угрозы местным жителям, пожелания навести «свой порядок» и обещания продолжать воровать скот в случае нехватки продуктов [9, с. 693]. В 1947 г., согласно сведениям на 2 марта 1948 г., полученным союзным министром внутренних дел С.Н. Кругловым от начальника Главного управления милиции А.М. Леонтьева, в Казахской ССР спецпоселенцами с Северного Кавказа было совершено 98 ограблений и разбоев, 43 убийства, 391 случай скотокрадства, 1032 кражи всех видов, 68 дерзких хулиганств, 365 других преступлений [9, с. 793]. Ж.А. Ермакбаев считает, что организованных выступлений среди чеченцев и ингушей не было, а имели место только «отдельные стычки с местным населением, высказывания недовольством своего положения среди своих и соседей, драки с переселенцами и целинниками из других республик, как это было в Усть-Каменогорске, Атбасаре и в других местах, имели скорее всего хулиганские мотивы» [8, с. 110].

Однако архивные материалы и воспоминания современников из числа местного населения дают несколько иную картину взаимоотношений чеченцев с местным населением в послевоенные годы. Постоянные грабежи и скотокрадство вели к острому межэтническому конфликту чеченцев с возвращавшимися с фронта русскими и казахами. Бывшие фронтовики были нетерпимы к вызывающему поведению «нежеланных» соседей. Так, 10 июня 1946 г. в колхозе «Ленинский путь» Акмолинской области толпа вооруженных местных жителей, возглавляемая фронтовиками и председателем колхоза Шокиным, учинила погром жилищ спецпоселенцев и убила двух братьев Ужаховых [9, с. 693–694]. Летом 1950 г. и весной 1951 г. произошли погромы чеченцев в Усть-Каменогорске и Лениногорске. В этих городах чеченские общины проживали компактно в так называемых чеченгородках. В результате погрома 17 июня 1950 г. было убито 34 чеченца.

Партийные руководители Казахстана рассматривали чеченцев и ингушей как «опасных» и «неже-

ланных» жителей. Руководство ЦК КП(б) Казахстана и Совет Министров республики докладывали о демонстративном поведении чеченских выселенцев, предпочитавших избегать тяжелого труда в сельском хозяйстве: «В некоторых местах расселения часть спецпоселенцев ввиду отсутствия необходимой производственной базы или вовсе не обеспечена постоянной работой, или хотя и работает на разных работах (сезонно), но фактически ведет паразитический образ жизни, нередко занимаясь воровством и спекуляцией. В это же самое время, из-за недостатка рабочих рук во многих колхозах и совхозах республики, особенно глубинных животноводческих районов, срываются важнейшие мероприятия по дальнейшему подъему сельского хозяйства и, прежде всего, его главной отрасли в республике — общественного животноводства» [9, с. 708]. Подобное коллективное поведение вайнахов могло стать поводом для еще одной репрессивной акции, о чем догадывались наиболее дальновидные члены общин, требовавшие от соплеменников внутреннего примирения с действительностью.

Местные жители сами вели полуголодное существование. Республиканские власти пытались подкормить местное население, передавая им фонды, предназначенные для помощи спецпереселенцам. Вайнахи были «нежеланными» соседями для местных жителей и хозяйственного руководства. Ряд председателей колхозов Курдайского и Меркенского районов Джамбульской области открыто заявляли, что депортированные вайнахи будут только балластом и вместо работы станут заниматься кражами скота. В спецсообщении министра внутренних дел Казахстана Н.К. Богданова отмечалось негативное отношение местного руководства к чеченцам. В Северо-Казахстанской области председатель колхоза Дикий заявил представителям органов НКВД: «Я не знаю, где они (чеченцы. — С.К.) даже расселены и не хочу знать их. Если бы вы приехали проверить животноводство, то другое дело, а спецпоселенцы пусть как они хотят, так и живут» [7, л. 5].

Сами чеченцы относились более лояльно к казахам и кыргызам. По утверждению чеченского историка Д. Гакаева, чеченцы «научили казахов и киргизов строить дома, печь хлеб в каменных печах, выращивать овощи и еще многим полезным вещам, о которых местное население до этого не знало» [11, с. 82–83]. На наш взгляд, коллективы, формирующие свою повседневную практику в соответствии с аскриптивной доминантой, редко идут на обмен навыками трудовой деятельности с «чужаками», так как это способствует усилению адаптивного потенциала конкурентов. Информация в «закрытых» социумах жизненно важна, и передача определенных навыков трудовой деятельности блокируется общинными структурами. Казахские этнографы изучили культурное влияние русских, украинцев, немцев, татар, узбеков, ко-

рейцев на казахское население, но наличие заимствований у вайнахов особенностей строительства жилых сооружений, особых приемов ведения подсобного хозяйства, приготовления пищи ими не отмечено.

Иной путь адаптации к новым условиям жизни был избран месхетинскими турками, отправленными в Казахстан и Среднюю Азию согласно Постановлению Государственного Комитета Оборона ГОКО № 6279сс от 31 июля 1944 г. о выселении 86 тыс. турок, курдов, хемшинов из пограничных районов Грузии и отправке их в Казахстан, Узбекистан и Киргизию. Всего из Грузии в Казахстан было отправлено 6435 турецких семей (27,6 тыс. чел.), расселенных в Алма-Атинской, Джамбульской и Южно-Казахстанской областях [1, с. 177–178]. Новоприбывшие турки в Джамбульской области получили помощь местного населения. По воспоминаниям турок, казахское население разбирало по домам семьи переселенцев, прибывших глубокой осенью (конец ноября). Многие турецкие дети из многодетных голодающих семей переселенцев были взяты в казахские семьи. Впоследствии они считали родными приютивших их казахских отцов и матерей. Месхетинские турки благодаря знанию казахского языка и усвоению национальных традиций казахов, своему трудолюбию и деловой этике быстро завоевали уважение и доверие местного населения. Турки передали местным казахам навыки эффективного огородничества.

2 июня 1944 г. выходит постановление ГКО № 5984сс о выселении с территории Крыма греков, болгар и армян, обвиненных в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями. Греческая диаспора формировалась в Южно-Казахстанской и Джамбульской областях, где с мая 1949 г. размещалась часть депортированных на восток понтийских греков. Греки сыграли большую роль в строительстве металлургических предприятий Южного Казахстана, они составили значительную часть строителей города Кентау. Большой вклад греки внесли в развитие табководства и виноградарства в южных районах.

Депортации народов, несомненно, сыграли отрицательную роль в их социокультурном развитии. На многие годы «наказанные» народы, лишенные гражданского равноправия, стали париями в местах изгнания. Стратегии коллективного поведения «подозрительных» и «наказанных» народов различались. Чеченцы и ингуши не смирились с «наказанием» и добивались возвращения домой. Поляки, корейцы, турки, курды, греки, карачаевцы, балкарцы смирились с необходимостью адаптации и интеграции с местным населением, став долговременными партнерами местных казахов и русских. Немцы лелеяли надежду на восстановление национальной автономии на Волге, в то же время заслужили уважение своих этнических соседей трудолюбием и культурным «компромиссом», заключавшимся в изучении казахского языка и восприятии некоторых элементов казахской культуры.

Библиографический список

1. Бугай Н.Ф. Лаврентий Берия Иосифу Сталину: «Согласно Вашему указанию». — М., 1995.
2. Сталинские депортации 1928–1953 гг. / сост. А.Н. Яковлев, Н.Л. Поболь, П.М. Полян. — М., 2005.
3. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. — М., 2007.
4. Алексеенко М.А. История депортации немцев по документам Государственного архива Кустанайской области // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет : материалы 3-й международной научно-практической конференции. Саратов, 26–28 августа 2011 г. — М., 2011.
5. Шаманов И.М., Тамбиева Б.А., Абрекова Л.О. Наказаны по национальному признаку. — Черкесск, 1999.
6. Полян П.М. Операция «Чечевица»: немцы на Кавказе и депортация вайнахов в марте 1944 г. // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.) / под ред. В.А. Козлова. — М., 2011.
7. Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). — Ф. 1189. — Оп. 1. — Д. 1243.
8. Еремекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. — Алматы, 2009.
9. Козлов В.А., Козлова М.Е. Патерналистские утопии и этническая реальность // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.) / под ред. В.А. Козлова. — М., 2011.
10. Великая Отечественная война в документах и материалах архивов Северо-Казахстанской области. — Петропавловск, 2010.
11. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). — М., 2001.